

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА КОММУНИКАЦИЙ

Рассмотрено особенности коммуникаций в современном информационном обществе. Проблема коммуникации представляется явлением исторически объективным, фундаментальным, развивающимся и многоуровневым. Показано, что важным аспектом глобальных изменений в мире является формирование нового всеобщего языка – «латыни» Интернета, которая становится глобальным языком общения в сети.

Ключевые слова: информация, коммуникация, глобализация, Интернет, Интернет-культура, мировоззрение, плюрализм.

Вандышев В.М. Інформаційне суспільство як нова парадигма комунікацій. *Розглянуто особливості комунікацій в сучасному інформаційному суспільстві. Проблема комунікації представляється явищем історично об'єктивним, фундаментальним, таким, що розвивається як багаторівневе. Показано, що важливим аспектом глобальних змін в світі є формування нової загальної мови – «латини» Інтернету, яка стає глобальною мовою спілкування в мережі.*

Ключові слова: інформація, комунікація, глобалізація, Інтернет, Інтернет-культура, світогляд, плюралізм.

Vandyshov V.N. Informative society as new paradigm of communications. *The features of communications are considered in modern informative society. The problem of communication appears the phenomenon historically objective, fundamental, developing and multilevel. It is retained that the important aspect of global changes in the world is forming of new universal language – «Latin» of the Internet, which becomes the global language of intercourse in a network.*

Keywords: information, communication, globalization, Internet, Internet-culture, world view, pluralism.

Происходящие в современном мире глубокие изменения во многих сферах промышленных технологий, банковской сфере, межнациональных и конфессиональных отношениях, информатизация и компьютеризация, взаимопроникновение культур и мировоззрений, а особенно виртуализация жизни и жизненного пространства необходимо влияют на такую важную сферу общественной жизни как средства массовой коммуникации. Размышляя над происходящими в современном информационном обществе изменениями, глубже чувствуешь провидческую роль философии, различные образы которой явили в своих трудах А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С.А. Кьеркегор, Ф.М. Достоевский, З. Фрейд, Г. Гессе, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, О. Тоффлер, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, М. Фуко и др.

В последние десятилетия и демократия стала вызывать беспокойство, поскольку она требует всё большего внимания в форме образования и воспитания, в связи с чем всевозможные государственные и научные институты настаивают на возрастании их роли. Подспудно они утверждают, что недостаточно больше воспринимать демократию как данность. Демократию должно укреплять всеми доступными средствами, – вот лозунг всех тех, чья власть зиждется на демократии, и кто, естественно, не заинтересован в плюрализме.

Но, несмотря на все очевидные новации, по-прежнему центральной фигурой в средствах массовой коммуникации остаются радио- и телерепортеры и журналисты. При кажущемся сходстве их деятельности целесообразно разнести эти понятия. В отличие от рядового репортёра, журналист – это профессионал, способный наряду с умением дать репортаж с места события, подать слушателю, зрителю или читателю ещё и определенную визию события, сдобренную некоей интерпретацией автора, которая «ненавязчиво» понуждает визави принять предлагаемую оценочную версию события.

Имеющиеся ныне многочисленные глубокие исследования западноевропейских и американских аналитиков дают возможность обнаружить основные болевые точки современного

глобализованного и информационного общества. Думается, что подспудно, сознательно или опосредовано (через какие-то каналы личного опыта) основные выводы из указанных аналитических работ становятся достоянием журналиста в зависимости от идеологической, политической, этнической или конфессиональной его позиции. Хотя следует заметить, что и упомянутые работы, в значительной мере представляются компиляциями множества журналистских текстов, пропущенных сквозь фильтры мировоззрения авторов, что позволило им сделать авторское обобщение. То есть, очевидна диалектичность коммуникации: журналист – аналитик – журналист.

Проблема коммуникации представляется явлением исторически объективным, фундаментальным, развивающимся и многоуровневым. Очевидно, что прежде всего всякая коммуникация представляется способом, посредством которого люди и группы людей желают, чтобы их голос, их мнение были услышаны. Опять же, в зависимости от поставленной цели, коммуникативные акты могут быть направлены как против существующей власти, так и с целью обозначить свои властные притязания.

С достаточной долей уверенности можно утверждать, что в существующих коммуникациях важная роль принадлежит конкретной мере информированности участников, имеющих тот или иной объём информации по обсуждаемому вопросу или теме. Участник, более осведомлённый по обсуждаемой теме, несомненно, обладает большими возможностями для того, чтобы манипулировать результатами или выводами, к которым может или должен прийти его визави. Конечно, в случае с известными особенностями дискуссий Сократа, его целью было привести своих собеседников к истине, увести их от софистического релятивизма, дать им почувствовать удовольствие от способности мыслить в правильном направлении, хотя и под влиянием и наблюдением другого.

Знаменательно, что ориентированная на властные структуры современная пропаганда заявляет, что единственной альтернативой демократии является зловещая диктатура. И это, несмотря на то, что диктатура, как учит история, на самом деле легко устанавливается всё теми же демократическими средствами. Зато перспектива власти, ориентированной на плюрализм форм организации общественной жизни, гонима всеми возможными способами. Может даже создаться впечатление, что в этой сфере плюрализм вовсе не существует, что он не может здесь даже возникнуть.

Если взглянуть на то, как часто преподносится Интернет, то мы обнаружим, что преподносится он как важный инструмент, способствующий в перспективе окончательному триумфу демократии. Но в действительности Интернет соучаствует в созидании новой информационно-технологической среды, в которой власть, ориентированная на плюрализм форм организации общественной жизни, расцветает благодаря естественному отбору, а демократия обречена на поражение. Кризис существующей формы правления налицо. С этого момента демократия становится синонимом кризиса, затрагивающего её саму, а равно и соответствующую парадигму в целом. В результате смены парадигмы ранее немислимое становится предметом размышления. Информационное общество будет развивать новые политические структуры. Одна из главных политических проблем состоит в том, что в ряде областей жизни общества, в которых политики хотели бы привычно принимать решения, уже почти не осталось ничего такого, по поводу чего можно было бы это делать. Существенные изменения произошли в области рыночных и экономических отношений. В этой ситуации возрастают проявления федерализма, что становится для демократии грозным симптомом, последней каплей. Развитие общественных отношений в мире всё больше направлено на создание глобального государства. Проект глобального государства не представляется невероятным, не в последнюю очередь потому, что на кону судьба целого политического класса. Вслед за Всемирной Торговой Организацией может последовать Всемирная Налоговая Организация и т. д. Насколько реально же создание Всемирного государства? Рискну предположить, что многочисленные усилия политиков в этом направлении скорее окажутся напрасными. Есть две причины, которые не позволят осуществить такой глобальный проект. Во-первых, потому что попытка мобилизовать энтузиазм избирателей всего мира потребует колоссальных усилий. Во-вторых, потому что ориентация на плюрализм общественной жизни станет свершившимся фактом ещё задолго до того, как подробный план создания глобального государства будет его идеологами оформлен в основных чертах. Можно утверждать, что в виртуальном мире бессилие политиков более очевидно, чем в иных сферах общественно-политической жизни.

В этом контексте размышления над фундаментальными философскими проблемами побуждают взглянуть на известную противоположность материи и мышления (сознания) с новой точки зрения. Получается так, что в материалистической системе философских предпочтений господствует положение: в сознании человека мысли порождаются окружающими явлениями материального мира. Если следовать этой логике, то получается, что действия людей суть следствие целенаправленной мыслительной деятельности. Опять же, анализируя реалии повседневной жизни, многие участники её безо всяких сомнений могли бы утверждать, что и наши мысли, и наши действия – это суть следствие воплощения полученной нами информации.

Поэтому можно предположить, что в значительной мере именно информация способствует возникновению культур и цивилизаций. Точно так же можно предположить, что развитие техники и технологий не только способствует созданию новых орудий производства, материалов и потребительских вещей, но также изменяет способы обмена и перераспределения информации. Последнее приводит к новым оценкам существующих реалий окружающего мира, а если быть точными, то приводит к переоценке существующих представлений о мире.

Важным аспектом глобальных изменений в мире является формирование нового всеобщего языка, основанной на английском языке сетевой «латыни» Интернета, которая подобно латыни Нового времени станет глобальным языком общения тех, для кого сеть представляется решающим началом бытия. В подобной сильно модифицированной версия английского языка некоторые субкультурные диалекты выйдут на первый план. Скорее всего, как мы уже сегодня можем наблюдать в субкультуре молодежной среды, стандартные фразы будут намного короче привычных, а неологизмы будут поощряться. Упрощение языка приведёт к тому, что придаточные предложения выйдут из употребления, а сам «новояз» станет универсальным средством общения активных участников глобальной сети.

Англо-саксонское лидерство в сфере музыки и индустрии развлечений и впечатляет, и указывает на центральную роль, которую играет общий язык в условиях медиализации общества. Уже сейчас заметно, что англоязычные страны на разных континентах занимают ведущие, по сравнению со своими соседями, позиции в информационном процессе. Это справедливо для Великобритании, Ирландии, Канады, Австралии и Южно-Африканской Республики. Эти страны являются лидерами в распространении англо-саксонской Интернет-культуры, и это еще без упоминания роли Соединенных Штатов. Подобным образом Гонконг, Сингапур и Индия находятся на ведущих ролях в Азии. В Европе первенство принадлежит Нидерландам и Скандинавии, где уровень владения английским языком так высок, что английский, в сущности, стал вторым родным языком. Конвергенция глобальных коммуникаций все более требует появления общего языка общения, что, конечно, пойдет на пользу англо-саксонской медиа-индустрии, которая и до появления информационного общества была чрезвычайно хорошо развита, а теперь это основной поставщик содержания для Интернета.

Понятно и вполне логично, что маленькие страны с ограниченными внутренними рынками легче адаптируются к необходимости мыслить и действовать глобально, чем страны с обширными внутренними рынками. Относительная бесполезность их национального языка вынуждает их приспособляться и постепенно переходить к использованию сетевой латыни, основанной на английском языке. Те же страны, которые решились бросить вызов английскому языку в качестве национального языка Интернета, а именно страны, в которых используется французский, испанский, немецкий, арабский, японский и китайский языки, испытывают серьезные затруднения при попытках встроить свои национальные сети в глобальную сеть. По этой причине первоначально весьма ограниченное число людей из этих языковых областей по-настоящему принимают участие в глобальных сетевых проектах. Без «продвинутого» программного обеспечения в области переводов языковые различия будут оставаться коммуникационным барьером.

Развитие информационного пространства приводит к тому, что местные и региональные языки и диалекты, продолжая сохранять своё значение для большей части населения, постепенно переходят на второстепенные позиции. Родные языки будут продолжать иметь хождение среди обывателей-потребителей, в то время как для представителей Интернет-элиты они превратятся в разновидность занятого и сентиментального хобби, став еще одним своеобразным развлечением. Подобно тому, как туристы средней руки прошлых времен, находясь на отдыхе за границей, козыряли взятыми из разговорников выражениями, так и представители Интернет-элиты, проводя летние отпуска в своих технизированных загородных домах, будут забавляться изучением характерных особенностей местного языка, сдабривая процесс изрядной долей иронии. Нежесткая

структура англоязычной сети, вероятно (как это всегда бывает!), примет в себя некоторое количество диалектизмов. Но они не имея географической привязки, будут скорее принадлежать различным виртуальным субкультурам, выступая в качестве реперных точек, позволяющих отличать «своих» от всех прочих.

Соединенные Штаты оказались весьма удачно приспособленными к виртуальной культуре, поскольку для этой страны характерно плюралистическое отношение к географическому пространству, что формировалось как черта американского менталитета ещё во времена первых переселенцев. Дело в том, что принятие решений большинством голосов никогда не имело в массовом сознании американцев столь глубоких корней, как в Европе. Продолжительное покорение неизведанных земель, когда американец в пределах видимости не обнаруживал ни одного соседа, означало, что можно вбить в землю очередной колышек, обозначающий границы своей земли, и дальше открывать новые земли. Поэтому и особой тяги к постоянному месту проживания никогда не было в американской культуре. Позже мы видим это в космических проектах 1960-70-х годов. Наступила пора открытия неизведанного и не колонизированного (пока!) космоса.

Впрочем, совсем скоро была преодолена ограниченность нашего мышления физическим пространством. Оцифровка сигнала и распространение оптоволоконных кабелей привели к созданию в 1980-е годы Интернета, очень быстро ставшего доступным всем. Первопроходцами и исследователями нового пространства стали маргиналы американского общества – сознательные индивидуалисты и люди, которые чувствовали себя чужими в доминирующей культуре. Виртуальная массовая миграция, как миграция к «границам познания», ознаменовала начало колонизации нового мира. В отличие от мира физического, виртуальные территории безграничны, а посему и путешествие по ним не должно закончиться.

Таким образом, наступает эпоха новых ценностей, о чём уже давно подозревали наиболее скептические летописцы капитализма, задумывавшиеся о судьбе самого капитализма, денег и пиетета перед вещами.

Значительный общественный резонанс в средствах массовой коммуникации вызывает и нуклеарная семья, как общественный институт, переживающий фатальный кризис на пороге информационной эры. Мыслящие консервативно пропагандисты ратуют за возвращение к «традициям», видя традиционную семью глазами пятидесятых годов XX века: мужчина ходит на работу, зарабатывает деньги, а женщина дома занимается детьми и хозяйством. В те времена средний класс переезжал в пригороды, чтобы избавиться от городской копоти и толчеи. Взывая к первобытным инстинктам человека, пригороды привлекали своей буйной растительностью.

Но, если быть объективными, то истинно традиционная семья есть нечто иное: это экономический союз и проект социализации, связывающий воедино несколько поколений. Такая семья существовала некогда. Но и капитализм, и социализм (в марксистско-ленинском его обличье), и современное государство заинтересованы в том, чтобы люди становились независимыми индивидуалистами, а не участниками широких социальных коалиций. Во-первых, это помогает осуществлению централизованного контроля; во-вторых, вырабатывает в людях чувство ответственности за самореализацию, что выражается в массовом и где-то болезненном потреблении товаров и услуг.

Очевидный рост числа одиноких самостоятельных людей означает и существенный рост потребления. Когда идеалом, подспудно навязываемым СМИ, является отдельное проживание каждого человека в своем собственном доме, тогда возрастает спрос на жилье, на средства передвижения, на мебель и кухонные приборы и т.п. Прокатившаяся по Западному миру в середине 1960-х годов сокрушительная волна разводов не представляла опасности для буржуазных ценностей. Напротив, это было развитием процесса индивидуализации на всех уровнях и ускоряющегося развития социальных структур капиталистической парадигмы: от деревенских коммун и племенной семьи, включавшей несколько поколений, к одинокому городскому жителю, представляющему собой идеальную буржуазную семейную единицу.

Освобождение от цензуры, которое отстаивает Интернет, означает и то, что связь между сексом и совместным проживанием ослабевает. С одной стороны, это означает, что секс дистанцируется от отношений вообще, а, с другой, приводит к появлению форм совместного проживания, где секс не имеет существенного значения. Вам не обязательно сожительствовать с партнером по сексу. В конце концов, никому же не приходит в голову жить совместно с партнером по теннису! И вовсе необязательно заниматься сексом с человеком, с которым вы живете, как необязательно заниматься сексом с начальником или лечащим врачом. Традиционные

формы личных отношений разрушаются и исчезают: форму отношений будут определять обстоятельства, а не наоборот. Отсутствие в Интернете понятия нормативного большинства означает, что любая форма сексуальной жизни становится социально приемлемой. Любое предпочтение получит свою собственную глобальную сеть.

Совсем иначе в современном информационном и глобализованном мире выглядит и ситуация мобильности. Если традиционно мобильность связывалась с возможностью перемещения человека по различным территориальным образованиям, то ныне добавилась возможность миграции в виртуальном информационном пространстве. Сидя за монитором можно бесконечно перемещаться из одной реальной страны в другую, из пространства одной компьютерной игры в пространство другой. С другой стороны, учитывая социально-политическую и природно-климатическую нестабильность, которые становятся явлением перманентным!, определенные группы людей, не формализованные в институализированные сообщества, создают новые принципы миграции. Для таких групп людей привычная идея дома и места постоянного проживания становится неприемлемой. Чем выше их статус, тем выше степень их мобильности. Люди, принадлежащие к различным социальным группам, находящиеся в безопасности в постоянных жилищах, легко доступны гомогенизирующему влиянию СМИ, политической власти и налоговых органов. Новая элита создаёт и новый элитарный образ жизни, а потому идентифицирующая функция постоянной резиденции исчезает и передается виртуальному эквиваленту: домашней странице в Интернете. Но и домашняя страница в Интернете постоянно обновляется.

Информационный рынок труда также обретает новый облик. Трудоустройство перестало быть пожизненным, и стаж работы не имеет уже первостепенного значения. Структуры бизнеса становятся всё менее жесткими и всё больше концентрируются на краткосрочных проектах, для которых каждый раз требуются люди с определёнными навыками. Такие временные образования создаются лишь для того, чтобы распасться после завершения проекта. В контексте нового рынка труда кроме демократии и семьи еще одним общественным институтом, находящимся в состоянии жестокого кризиса, является система общественного образования. Сегодня образование не может быть законченной главой, оно должно постоянно обновляться. Каждая новая задача возникает в условиях, принципиально отличных от прежних, а это каждый раз требует новых знаний. Неизбежным следствием есть быстрая девальвация любого диплома и сертификата. Это в свою очередь означает, что школы утрачивают большую часть своих ролей, кроме обучения письму и места для социального тренинга: дети могут получить разнообразные знания, сидя перед монитором компьютера, а не в школе за партой. Во все более фрагментированном и изменяющемся обществе идея централизованного, единообразного школьного образования, связанная с идеей национального государства, выглядит устаревшей. Уже сейчас увеличение спроса на дополнительное образование и развитие навыков как вне, так и внутри бизнеса привело к тому, что многие старые академические учреждения почувствовали ветер перемен. И даже перспективная, на первый взгляд, идея бизнес-парков – это скорее попытка сохранить статус-кво, скорее заранее обреченная на неудачу попытка защитить прежние иерархические структуры в новых обстоятельствах. Действующие лица старой парадигмы слишком крепко привязаны к своим историческим позициям, чтобы быстро и легко передвигаться и обеспечить выживание в виртуальной экосистеме.

В университетской парадигме в дефиците способности воспринимать и накапливать огромные объемы информации, в сочетании с интуитивным пониманием того, какая информация нужна в той или иной ситуации. Сегодня востребованы быстрые ассоциации, способность абстрагироваться от привычного, но отнюдь не добросовестное заучивание текста первоисточников. Информационному миру чужды чрезмерное администрирование, интеллектуальный снобизм и тирания деталей. В будущем образование станет характеризоваться интерактивностью и прагматизмом. Поэтому, вероятнее всего, что уже совсем скоро студент будет не просто выбирать дисциплины и спецкурсы, но и формулировать темы, которые он хотел бы изучить в университете. В этом, новом обществе, никто не будет грызть гранит науки в каком-нибудь заброшенном колледже, вдали от рынков труда, зазубривая избитые истины.

Журналист, ставший ныне реальным посредником между фактом и потребителем информации, тяготеет к тому, чтобы называть себя **экспертом**. И это имеет свое логическое объяснение, ибо сегодня мы нуждаемся не столько в информации, сколько в развитии мировоззрения и понимании контекста. Ежечасно поток информации увеличивается, многообразие фрагментов блип-культуры подавляет рядового потребителя, побуждая его найти

какую-то логику и порядок в потоке жизни. Множественность и плюрализм информации необходимо ставит вопрос о критериях выбора информации. Если прежде властная верхушка ограничивала поток информации при посредстве цензуры, то сейчас и этого не нужно: можно заполнить информационное пространство потоками бессвязной информации. Одновременно параллельно на десятках каналов может идти информация об инопланетянах и НЛО, о паранормальных явлениях, о телепатии и экстрасенсах, о достижениях биологии, о катастрофах, о жизни папуасов Новой Гвинеи, о спортивных событиях, о жизни египетских фараонов во втором тысячелетии до нашей эры, об итогах выборов президента в Намибии, о социально-политическом кризисе в Тунисе, Египте, Ливии и пр. и пр.

В то же время можно вполне аргументировано в капиталистической стране, в которой достигнуты высокие стандарты жизни, восхвалять радикалов вьетконговского толка, как это происходило в США в 1960-е годы под влиянием работ Г. Маркузе. Именно он и мыслители его круга легко манипулировали молодежным сознанием. В «Одномерном человеке» они защищали образовательную диктатуру; в «Угнетающей толерантности» – призывали к либеральной терпимости; в других работах ратовали за уничтожение института семьи. Для Теодора Адорно патриархальная семья – это колыбель фашизма.

Скорее не зная, но по сути поддерживая идеи, наработанные идеологами Франкфуртской школы, нынешние журналисты, нашли хорошую отдушину в виде многочисленных круглых столов и «культурно»-развлекательных шоу. Здесь они в кругу своих коллег-журналистов, вдруг ставших экспертами, весьма обстоятельно обсуждают вопросы однополюсной любви, необходимость сочувствия убийцам и насильникам, препятствование языковому и территориальному сепаратизму объявляется «тайным расизмом», пропагандируется демифологизация истории и умаление роли национальных героев. В этом контексте вполне можно ставить вопрос и о материальной ответственности нынешнего поколения белых американцев перед их темнокожими соплеменниками, чьи предки насильно обращали в рабов, вывозя из родной им Африки. В сущности все это есть выражение усиливающейся идеологии левачества, которую в свое время и в последние годы своей жизни жестко критиковал даже «очень левый» марксист В.И. Ленин!

Без осмысления общих вопросов трудно разобраться в конкретных вопросах бытия наук и идеологий. Но кто и что может помочь разобраться во всем этом хитросплетении событий и идеологий?

Думаю, что преимущественно таковым средством выступает философская культура! Безусловно, прав был Г.В.Ф. Гегель, говоря о том, что есть только три вершины, с которых видится дальше и отчетливее: философия, литература, религия. Поэтому идеальным выражением образа журналиста был бы тот, кто совмещает в себе обстоятельные знания из области истории, философии и истории культуры. То есть речь идет о журналисте, который критически относится ко всяческим «новейшим» концепциям свободы и равенства, памятуя, слова Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем» (Екклес. 1, 9). Прокатившиеся по Европе, да и по другим континентам революции, проходившие под знаменем равенства и справедливости должны бы научить уже многих, что равенство и справедливость категории не только политические, но и нравственные. Daniel Przystek также размышляет по поводу социально-исторического влияния революционных идей: «Sprawiedliwa poprzedniego stulecia ukazuje szczególny fenomen zaangażowania intelektualistów po stronie lewicy. Kwestia równości i sprawiedliwości społecznej stała się usprawiedliwieniem dla fascynacji realnym socjalizmem»^[1].

И оказалось, что проблема в понимании, именно **в понимании контекста** происходящих вокруг нас событий. Узнаем их сущность, значит, овладеем ситуацией, значит, будем свободными в своей деятельности. Здесь, собственно, и находятся сегодня ключи к реальной власти. Но отнюдь не в деятельности политиков и депутатов, которые бессильны в своих властных полномочиях, но готовы перед журналистами поведать о себе едва ли не всё самое интимное, чтобы оставаться в центре внимания, быть на виду. Ключи к реальной власти в руках тех, кто делает всё для того, чтобы скрыть понимание контекста происходящего в мире за шелухой гигантских потоков бессвязной информации. И ныне в их рядах, обычно бессознательно, оказывается огромное большинство журналистов, реализующих чужую волю, но искренно полагающих себя свободными.

© Вандышев В.Н., 2011.

^[1] *Daniel Przystek. Świat kultury i nauki // Polski rok 1989. Sukcesy, zaniechania, porażki. Część 1. / Red. naukowy serii: Marek Jabłonowski. – Warszawa, 2009, s. 311.*